

НОВЕЛЛА ДОСТОЕВСКОГО «ПОПРОШАЙКА»

Ирина Аврамец
(Тарту)

Текст, о котором пойдет речь, был впервые опубликован в 1873 году, в номере журнала (точнее — еженедельника) «Гражданин» от 24 сентября (№ 38), причем без подписи. В 1960 г. во французском «Revue des études slaves» была напечатана статья В.В. Виноградова «Un récit inconnu de Dostoievsky», которая по-русски была опубликована в 1961 г. в книге Виноградова «Проблема авторства и теория стилей» [Виноградов 1961: 576–584]. После этого текст был включен в XXI том академического собрания сочинений Ф.М. Достоевского (1980) в раздел «Статьи, очерки, корреспонденции из журнала “Гражданин,» (и в небольшом количестве последующих изданий сочинений Достоевского) и снова выпал из поля зрения достоевсковедов (как, впрочем, и до статьи Виноградова, что как раз вполне объяснимо). Комментатор текста, В.А. Туниманов, не сомневаясь в атрибуции Виноградова, добавил ряд собственных стилистических наблюдений, приведя несколько убедительных параллелей между, как он пишет, «яркими индивидуальными выражениями, характерными для стиля Достоевского» [Туниманов 1980: 475], встречающимися в «Попрошайке», и аналогичными — в других произведениях писателя. Кроме того, он приводит не менее убедительные бухгалтерские выкладки и подсчеты, подкрепляющие справедливость виноградовской атрибуции¹.

Виноградов, назвав «Попрошайку» в самом начале своей статьи «фельетонно-газетным этюдом своеобразного характера» (Виноградов 1961: 576), далее неуклонно именовал его рассказом. Термин «очерк» по отношению к «Попрошайке» употребляется им всего один раз [Там же: 571]. Туниманов в своих комментариях называет «Попрошайку» не очерком, фельетоном или статьей, а рассказом. Действительно, слово «рассказ» здесь вполне уместно как наиболее распространенное и нейтральное в русской литературоведческой традиции название для произведений малой прозы. Вместе с тем, представляется не только возможным, но и более оправданным при определении жанровой природы «Попрошайки» прибегнуть к термину «новелла». Как нам уже приходилось писать, использование понятий «повесть» и «рассказ» в качестве жанровых определений существенно затрудняется из-за нечеткости, зыбкости и многозначности этих слов, теряющих в силу этого терминологический статус. Такая своеобразная «терминологическая дискредитированность» этих понятий неоднократно отмечалась исследователями. Как писал М.А. Петровский: «Из двух слов “рассказ” и “новелла” как термин предпочтительнее второе, уже в силу того, что с ним в нашем языке связано меньшее разнообразие значений» [Петровский 1925а: стлб. 597; см. также: Грифцов 1925: 15, Степанов 1929: 16]. Что касается жанровых признаков новеллы, то, суммируя высказывания русских формалистов (или близких к формальной школе исследователей), уделивших особое внимание вопросам теории новеллы, можно составить следующий перечень признаков новеллы: сюжетность, малый размер, пуантировка конца (помещение

¹ Эти подсчеты основаны на записи Достоевского о том, что ему за две статьи в 39-м номере «Гражданина» причитается 22 р. 33 к.; в этом же номере опубликована его статья «Иностранные события», объем которой — оплачиваемый, т.е. за вычетом 111 неоплачиваемых строк телеграммы, — 120 строк, так что при таксе 7 копеек за строчку получается именно 22,33 только за 319 строк, т.е. лишь при условии, что было еще 196 строк «Попрошайки» и 3 строчки редакционного примечания. Попутно Туниманов вносит существенные поправки в подсчеты, сделанные до него Г.Ф. Коган в 83-м томе «Литературного наследства» (1971), что и позволило ему «арифметически» подтвердить атрибуцию текста.

сюжетного ударения в конец произведения), построение сюжета «на основе какого-нибудь противоречия, несовпадения, ошибки, контраста и т.д.» [Эйхенбаум 1927: 171; см. также: Шкловский 1925: 57], замкнутость структуры («единство события, сопряженное с тотальностью сюжета» [Петровский 1927: 72], установка на сказовую форму воспроизведения. Сходный набор признаков новеллы был дан и Томашевским (1928). Как писал уже современный исследователь, Вольф Шмид: «В определениях новеллы, многочисленных и разнообразных, чаще всего встречаются такие жанрообразующие признаки, как событийность, краткость, сжатость, символичность, семантическая насыщенность» [Шмид 1998: 36]. Учитывая все это, можно утверждать, что новелла, обладая динамическим сюжетом и четкой композиционной структурой, легко опознается как жанр, в отличие от рассказа, который, по мнению некоторых исследователей, имеет гораздо более аморфную, рыхлую организацию, в силу чего, например, часто бывает затруднительно провести грань между рассказом и очерком, рассказом и повестью.

Итак, одним из признаков новеллы является **малый размер**, краткость, сжатость. Что касается краткости, то наш текст, как уже было сказано, состоит из 196 журнальных строк, а в полном собрании сочинений — всего из 155 строк, т. е. занимает менее трех с половиной страниц, уступая в «минимализме» лишь «Мальчику у Христа на елке» (3 страницы). Что касается **сюжетности** или событийности (острый динамичный сюжет, основанный на одном событии или несложной группе событий), то «Попрошайка» представляет собой своеобразный «текст в тексте» или «обрамленную новеллу», поскольку рассказ «повествователя» о *попрошайке* включает в себя рассказ самого *попрошайки*, который является как бы образцом новеллы, новеллы *par excellence*, новеллы *nes plus ultra*...

Пересказывать этот «внутренний текст» не имеет смысла, поскольку в нем слишком большую роль играет не «что», а «как», поэтому мы его просто приведем целиком, несмотря на то, что он занимает большую часть всей новеллы (почти две страницы).

Но сначала о рамочной части, или о сюжете «внешней новеллы». Строго говоря, новелла содержит не одну, а две рамки (точнее говоря, полторы): это, с одной стороны, рассказ *попрошайки*, классически оформленный (т.е. с традиционной новеллистической мотивированностью самого рассказа обстоятельствами «внешней новеллы», с маркированностью начала и конца); а с другой — рассказ «повествователя», оформленный автором всего текста (т.е. Достоевским), почему-то, если можно так выразиться, только «с одной стороны»: в начале стоят кавычки, а в конце — нет. Начало: ««<Это авторские кавычки. — И.А.> Я знал одного любопытного попрошайку, — рассказывал один раз покойный Д. — Это покойный С. Его иные помнят» [176] и т.д. Там, где кончается рассказ «покойного С.», стоят кавычки, хотя здесь они как раз не нужны, поскольку начало рассказа выделено во «внешней новелле» обычным тире, маркирующим прямую речь. Конец же «обрамляющей новеллы» кавычек лишен: «С. был очень доволен тем, что мне всё это сообщил, и я очень хорошо понял, почему ему так всё удавалось... <Без авторских кавычек! — И.А.>» [179]². Например, публикация рассказа «Бобок» оформлена иначе: Достоевский снабжает «Бобок» сверхкратким издевательским предисловием (рассказ, кстати, в отличие от «Попрошайки», напечатан с подписью: «Ф. Достоевский»): «На этот раз помещаю «Записки одного лица». Это не я; это совсем другое лицо. Я думаю, более не надо никакого предисловия» [41].

Может быть, эта немаркированность конца «внешней новеллы» была простым недосмотром, следствием спешки (именно в эти дни Достоевский писал и переписывал,

² Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Ленинград, 1980. Ссылки на страницы даются в тексте в скобках.

сокращал и перекраивал статью «Иностранные события»), но нельзя исключать и той возможности, что автор тем самым как бы признавал свою идентичность с самим «повествователем», т.е. с «покойным Д.». Такой макабральный юмор вполне можно предположить, учитывая тот факт, что надпись, выбранная в 1837 г. юными братьями Достоевскими для могильного памятника матери (строка из «Эпитафий» Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра!») впоследствии фигурирует в «Идиоте»: генерал Иволгин возмущенно пересказывает Мышкину рассказ Лебедева об аналогичной надписи на памятнике (и тоже на обратной стороне) над его якобы похороненной на Ваганьковском кладбище ногой, отстреленной в 1812 г. французским шассёром. А в том же 1873 г. Достоевский в «Дневнике писателя», публиковавшемся в «Гражданине», еще раз помещает эту строку в не менее шокирующий контекст: в рассказ «Бобок», на памятник генерал-майора Первоедова (который в могиле играл в преферанс)³.

По поводу отсутствия подписи под «Попрошайкой» и инициала Д., которым автор обозначил повествователя «внешней новеллы», следует добавить еще то, что все публикации Достоевского в «Гражданине» снабжались либо полной подписью (Ф. Достоевский), как в случае всех частей «Дневника писателя», либо сокращением *Ред.*, либо инициалами Ф.Д.⁴, либо — что особо интересно — одним инициалом Д. (все 12 частей «Иностранных событий»). Или же шли вообще без подписи. И тот факт, что «Попрошайка» появляется в «Гражданине» на фоне столь важной для Достоевского публикации «Иностранных событий», подписанных инициалом Д., на наш взгляд, может служить еще одним доводом в пользу предположения о «говорящем» инициале «повествователя».

Итак, «покойный Д.» рассказывает любопытную историю о *попрошайке* (иначе — «покойном С.»), причем, как и в новелле «Ползунков», сначала дается характеристика героя, своего рода сверхсжатый психологический портрет, а затем следует как бы иллюстрация справедливости данной характеристики. О *попрошайке* повествователь рассказывает так:

Человек был умный, скромный, знавший себе свою цену, имевший свой особый, довольно любопытный род собственного достоинства и постоянно умевший водить знакомство в кругах несколько высших его собственного общественного положения. Между прочим, я заметил, что он умел отлично выпрашивать, Чего другой ни за что бы, кажется, не добился, то для него делали [176].

И далее приводится случай, подтверждающий необыкновенный талант «покойного С.», которого звали, как далее случайно выясняется, Павел Михайлович. У «повествователя» был один родственник, «очень молодой человек, получивший место в Т. губернии при губернаторе». Проблема заключалась в том, что этот губернатор был «человек довольно крутой», судя по тому, что о нем рассказывали, и молодой родственник Д., «отправляясь из Петербурга, несколько робел и чрезвычайно желал бы достать какое-нибудь частное

³ Кстати, гораздо более странным представляется выбор этой строки братьями Достоевскими для памятника нежно любимой матери, поскольку эта эпитафия Карамзина (1792), как пишет тот же Туниманов в комментарии к «Бобку», «уже к 1830-м годам получила широкое распространение. Ал. Шлехтер в рассказе “Жертва порока. Сцены из городской жизни” констатировал: “Люди частым повторением так износили, истерли эту прекрасную надпись, что она совершенно потеряла прекрасный смысл свой. Ее встретишь над прахом лихоимца, над могилою человека, по котором получили давно жданное наследство, над гробом врага, над телом ненавистного жене мужа” (БдЧт, 1834)» [410]. Даже если предположить (хотя это очень сомнительно), что братья Достоевские этого номера «Библиотеки для чтения» не читали, поскольку подписка на журнал у них в доме появляется, видимо, лишь с 1835 года, — трудно представить себе, что они не знали самого факта дисредитации знаменитой строки: вряд ли только Шлехтер об этом писал.

⁴ Если не ошибаюсь, только единожды фигурирует подпись *Друг Кузьмы Пруткова* — под фельетоном «Тритон», т.е. в первой части «Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга».

рекомендательное письмо от влиятельного лица». Совершенно очевидно, что сам Д. не только не был влиятельным лицом, но и не был настолько знаком с такими *VIP*, которые могли бы здесь помочь. Так, он был отдаленно знаком с генералом NN, который был «весьма хорош с т. губернатором», но явно Д. никак не мог обратиться к генералу с просьбой о письме. При этом оба, т.е. Д. и его молодой родственник, знали, что генерал когда-то оказал весьма важную услугу губернатору, но они оба знали и то, что «этот генерал был человек довольно чванный и неприступный, и особенно трудно было выпросить у него какое-нибудь рекомендательное письмо, даже близким знакомым его, что было уже известно по одному примеру» [176–177]. Таким образом, ситуация, казалось бы безнадежная, но тут, как *deux ex machina*, в доме Д. появляется С. и, услышав рассказ о положении дел, берется попробовать добиться желаемого, несмотря на то, что, как он сам сообщает, в доме у генерала «никогда не бывал и не приглашен, но я почти каждую неделю встречаюсь с ним у Щ-х и много раз садился вместе в ералаш. Он охотно со мной садится» [177]. Повествователь сообщает С. о проблеме, почти не надеясь на успех, зная лишь то, что С. знаком с генералом и «умеет отлично выпрашивать». Кроме того, как признался повествователь: «Замечу, что по некоторым причинам я мог твердо рассчитывать, что С. с удовольствием исполнил бы какую-нибудь мою просьбу, разумеется если в его силах» [177]. Таким образом, в новелле, как это свойственно Достоевскому, имеется «рифма ситуаций»: генерал оказал услугу губернатору и вправе ожидать от того ответной услуги, Д. оказал услугу С., и рассчитывает на его благодарность, ну, а молодой родственник прибегает к помощи Д. уже просто в силу родства, так сказать, авансом.

С. не только обещает попробовать достать рекомендательное письмо, но и намерен сделать это невероятно скоро: завтра же, и это несмотря на то, что он не вхож в дом генерала. И — к изумлению Д. и его молодого родственника — его попытка удалась, да еще и самым блистательным образом (так сказать, с бонусом!):

Назавтра же было у нас в руках самое удовлетворительное рекомендательное письмо. Генерал писал губернатору:

«Любезный друг и старый товарищ Михаил Степанович, рекомендую тебе подателя сего, тебе подчиненного вновь чиновника и очень приятного молодого человека; я его не знаю и никогда не видывал, но мне так хорошо говорили о нем доверенные люди, что не усумнился написать тебе, и если обратишь на него свое *особливое* внимание, то тем самым весьма и весьма одолжишь тебя помнящего и прежнюю душою преданного тебе твоего

Ивана NN» [177].

Итак, перед нами очередной раз письмо выступает в качестве центрального, ключевого и полифункционального мотива текста. О лейтмотиве письма в произведениях Достоевского нам уже доводилось писать, упоминая в том числе и о роли письма в качестве своеобразного сюжетного стержня («Подросток») или кульминационного момента («Маленький герой»), а также о том, что мотивы письма являются «динамическими» и «связанными» [Томашевский 1928: 137] в таких произведениях, как «Неточка Незванова» (письмо С.О. к Александре Михайловне, найденное Неточкой), «Дядюшкин сон» (письмо Зины Москалевой к учителю), «Униженные и оскорбленные» (письмо матери Нелли к Валковскому, в котором говорится о том, что Нелли — его законная дочь), «Идиот» (письмо Селезкина, уведомляющее о наследстве, письмо князя Мышкина к Аглае, письма Настасьи Филипповны к Аглае).

В новелле « Попрошайка » получение рекомендательного письма является, во-первых, главной — почти недостижимой — целью «рамочной новеллы», во-вторых, мотивировочным приемом или сюжетно-композиционным средством ввода «внутренней новеллы», а в-третьих — пуантом «внутренней новеллы». Первая — сюжетная —

функция письма (или первое значение письма) уже понятна из сказанного выше, что касается второй, мотивировочной, то она демонстрируется «повествователем» подробно, мастерски, с удовольствием, почти педалировано («вот, дескать, классически ввожу обрамленную новеллу!»):

Письмо принесено было нам нарочно незапечатанное, чтобы мы могли прочитать. Может быть, С. хотел передо мной похвастаться. Конверт же был надписан самим генералом, и сверх того, в руках у С. была малая вензелевая печать генерала, которую тот ему доверил. — Знаете что, ведь это почти чудо! — воскликнул я. — Как это вы устроили?

— С каждым свой прием, — засмеялся С.

— Объясните, ужасно любопытно!

Мы сели. Молодой человек ушел и мы остались вдвоем. С. поглядывал с удовольствием. Во-первых, он был очень рад, что угодил мне, а во-вторых, видно было, что он сам чувствует особое удовлетворение. Это было удовольствие как бы мастера своего дела, только что победившего большую трудность [177–178].

И далее следует рассказ С., т.е. «внутренняя» или «обрамленная» новелла, которую мы с удовольствием приведем (отчасти в надежде на то, что сам текст сподвигнет кого-нибудь из читателей нашей статьи на дальнейшее изучение новеллы, столь незаслуженно пренебрегаемой почти всеми исследователями творчества Достоевского):

— Я вам между нами всё это сообщу, — начал он рассказывать. — Повторю опять: со всяким свой прием. Но есть один из них очень пригодный в самых многообразных случаях жизни. Его-то я и употребил. Вхожу я давеча к генералу в двенадцать часов; дома. Я вам уже доложил, что он очень любит со мною играть в карты; любит тоже слушать, как я иногда рассказываю. Я, вы знаете, на рассказы не напрашиваюсь, но их любят слушать и люди мною несколько дорожат. Генерал четыре уже года встречает меня. Он очень знает теперь, что я вовсе не то что какой-нибудь *riche-assiette*, как кажется полагал обо мне прежде, еще два года назад. Но все-таки я знаю наверно и то, что, может быть, разве лишь еще через два годика он решится позвать меня наконец к себе в дом... И вот я вдруг вхожу сам, совершенно неожиданно. Генерал принимает прекрасно, но в лице вопрос, и вопрос растет всё более и более с каждой секундой. Обыкновенно мы с ним, сходясь у Щ-х, сейчас смеемся и я тотчас же что-нибудь начинаю рассказывать. Сегодня же на его смех я не отвечаю и как бы немного смущен. Тяну, однако же, и не объясняюсь. Вопрос на генеральской физиономии становится настоятельным. Вдруг прямо объявляю, что пришел с *чрезвычайною* просьбой. Подчеркните словцо *чрезвычайною* три разика. Генерал отвечает: «Что прикажете-с?», нервно дергает кресло и становится ужасно серьезным. В бровях неприятная складка. Начинаю издали, как бы самому через силу, путаюсь, делаю вид, что конфужусь ужасно, с каждой фразой, и очень страдаю. «Есть, дескать, такие случаи в жизни... Иногда решительно не к кому обратиться... Очень, очень чувствую, как мне тяжело беспокоить ваше п-во. Но такие обстоятельства... Есть, так сказать, долги каждого человека... Если б вы знали, генерал, чего мне стоила настоящая решимость!.. Встречаясь с вами у наших милых Щ-х, мне никогда даже и в мысль не могло прийти, что я буду доведен... чтоб как теперь вот, беспокоить, лично... и, может быть, в такой неурочный час...»

Одним словом, решительно пришел просить денег! Можете представить, что генерал давно уже начал краснеть; взгляд влажный, страдающий, не может от меня оторваться... А я-то все напирал больше и больше, на ту же тему. По некоторому обороту фразы даю даже сообразить, что в случае, если я вправду пришел просить займа денег, то попрошу сумму немалую. Сообразите же теперь: я, во всяком случае, для генерала теперь уж не такой человек, которому можно резко отказать да и выпроводить. Мы на такой взаимной ноге... Мы еще долго будем вместе встречаться,.. Между тем мне слишком известно, что он никому и ни за что не даст денег... Кроме того, известно мне тоже, что ему очень приятно играть со мной в ералаш, — и расстаться с этой мыслью будет очень и очень трудно. Он на прошлой неделе, когда мы с ним разыграли одну безнадежнейшую задачу, сказал, что ни с кем как со мной с таким удовольствием не играет... А уж после такой просьбы какой же ералаш? Одним словом, я его измучил... Я дал ему выпить всю чашу; я истощил его, он похудел у меня в эти четверть часа! И вот — только бы начать о

деньгах, «тысячки, дескать, две-три, генерал, на самое короткое время», — а я вдруг, и совсем другим голосом: «Вот, дескать, молодой человек едет в Т., нуждается в рекомендации, а я поставлен в такое положение, что никак не могу отказать ему. Всего две-три строчки от вас, и вы представить не можете, генерал, как бы вы меня ошастливили»...

Можете представить, как он был рад! Он вскочил даже в каком-то восторге; гора с плеч долой! Да если б я у него 4 письма спросил в эту минуту, — он бы все четыре мне написал — из одной только благодарности! Сам же я ему и продиктовал. Вы только посмотрите на росчерк... По одному уже росчерку судить можете о блаженстве человека. Проводил он меня до дверей, наилюбезнейшим образом пенял, как мог я так затрудниться в таком пустом обстоятельстве! К себе, правда, еще не пригласил, но я слишком видел, что у него уже срывалось с губ слово: «Да что, дескать, Павел Михайлович, никогда вы не зайдете, так, знаете, запросто»... Условились, однако, сойтись у Щ-х: Обещал ему прелюбопытную вещицу сообщить об Александре Михайловиче... Одним словом, я вам навеки рекомендую, — заключил С., — если вам надо у кого-нибудь что-нибудь выпросить и если это довольно трудно, то один из самых лучших приемов — это сделать вид, что пришли просить денег. Разумеется, судя по человеку: чем деликатнее были прежние отношения, тем лучше. Явитесь не в урочный час, удивите приходом, сочините себе такое лицо, заведите издалека, заставьте страдать, напугайте, истомите человека, — и вдруг совсем другим голосом, прямо изложите настоящее дело. Поверьте, до того будет вам благодарен, что ни за что не откажет. Всё, что хотите, получите. Это самый вернейший прием. Впрочем, я вам всё это сообщаю секретно...» [178–179].

Что касается третьей функции письма (о чем шла речь выше), то в этой «внутренней новелле» она заключается в пуантировке *дискурса* С. (в особенности, разумеется, для генерала!).

Понятно, что и требование для новеллы **малого количества персонажей** вполне удовлетворено: в рассказе Д. всего три действующих и говорящих персонажа (сам Д., его родственник, произносящий, впрочем, всего три слова: «Невозможно, — решил со вздохом молодой человек, — думать нечего» [177] и, наконец, главный герой, С.). В рассказе *попрошайки* всего два персонажа: он сам и генерал NN (он же «генерал N» и «Иван NN»). Губернатор Михаил Степанович, сестра генерала, семья Щ-х, у которых С. встречается с генералом почти каждую неделю, а также загадочный Александр Михайлович, о котором С. обещает рассказать генералу явно нечто пикантное, — все они даны лишь *in absentia*, т.е. только упоминаются.

Характерно, что почти сразу после публикации «Попрошайки», 2 октября 1873 г. Достоевский пишет князю Мещерскому:

<...> посылаю Вам маленькую статейку одного офицера с *просьбою* прочесть ее поскорее, если возможно. Всего 200 строк. Это не рассказ даже, но всего только *картинка*, и как картинка только — она очень бы могла быть помещена в этом № «Гражданина», ибо верно и, кроме того, такие рассказы читаются с удовольствием, не отрываясь [XXVIII (1), 305].

Для нас это интересно, во-первых, потому, что Достоевского явно заботит публикация в журнале именно «такого размера и цвета» увлекательных маленьких «картинок»: новелл или анекдотов, наконец, «физиологий», если угодно. Во-вторых, речь идет о публикации рассказа из предполагаемой серии «Картинок из офицерской жизни» (сам Достоевский через три месяца будет писать именно «картинки» — «Маленькие картинки» для сборника «Складчина» (1874). Единственный опубликованный рассказ (в 41-м номере, т.е. через две недели после публикации «Попрошайки») назывался «Денег достал!», что коррелирует с заглавием новеллы Достоевского (хотя в «рассказе офицера» речь идет именно о доставании денег, о ростовщиках и рулетке).

Тут следует остановиться на еще одном приеме, характерном для поэтики заглавий Достоевского: речь идет об амбивалентности заглавий, о «мерцании смысла», возникающем благодаря «невязке» *знака* и *денотата*. Герой «Попрошайки» оказывается в новелле не попрошайкой, а скорее подателем блага. Более того, во всем тексте есть

только одно слово «попрошайка», а также высказывание: «он умел отлично выпрашивать <подчеркнуто нами. — *И.А.*> », а этот глагол имеет, все же, несколько иное значение и коннотации. И вместе с тем, С. действительно просит, хотя не деньги, как сразу кажется при чтении заглавия, а об услуге. Но об услуге в новелле просят почти все: молодой человек — своего родственника Д., сам Д. просит С., в конце концов, генерал просит губернатора, а тот, судя по намекам, вероятно, когда-то просил генерала о каком-то одолжении. В каком-то смысле С. — такой же попрошайка, как князь Мышкин — идиот.

Что касается ориентации на устную речь или на устную форму воспроизведения, то в «обрамляющей новелле» она менее выражена, поскольку та состоит преимущественно из диалога, зато «обрамленная новелла» почти целиком построена на имитации устной речи, скорее даже на имитации целой сценки, подобно тому, как это было сделано в 1840-е гг. в «Ползункове», «Чужой жене» и «Ревнивом муже». С. передает все особенности своей речи, обращенной к генералу, заставляя слушателя (и читателя!) «увидеть» все нюансы своего *дискурсивного поведения*, включая интонацию, мимику и жесты. С., рассказывая о своем визите к генералу, не только «показывает» его, но и демонстрирует действенность своего *перлокутивного акта*, который заключается в контрастном соединении мнимой, ложной перлокуции с истинной (грубо говоря: «одолжите мне деньги» → «напишите рекомендательное письмо», причем, письмо, написанное в итоге умелого приема обманутого ожидания, является «истинным» перлокутивным актом). Таким образом, наш текст обладает еще одним специфически новеллистическим признаком, который заключается в построении сюжета на основе какого-нибудь несовпадения, контраста etc.

Наконец, близость к анекдоту рассказа С. представляется настолько очевидной, что остается лишь сослаться на Петровского, который писал:

Эстетическая ценность анекдота связана, главным образом с его передачей в живой речи. <...> Предельная сжатость, экономия и точность изложения, сосредоточенность его около сути дела и умелая интонация — главные условия успеха анекдота, к которым можно присоединить еще одно: чтобы анекдот был рассказан вовремя, уместно, *кстати* [Петровский 1925: 53].

Следует добавить, что в «Попрошайке» помимо всех основных («первичных», *sine qua non*) признаков новеллы имеется даже факультативный, «вторичный» признак: мораль, назидание, своего рода резюме, которым завершается «внутренняя новелла».

Приведенный выше список традиционно выделяемых новеллистических признаков, как нам представляется, вполне релевантен тексту Достоевского, *quod erat demonstrandum...*

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов 1961 — *Виноградов В.В.* Неизвестный рассказ Ф.М. Достоевского «Попрошайка» // В.В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. Москва, 1961. С. 576–584.

Грифцов 1925 — *Грифцов Б.А.* Теория романа // История и теория искусства. Москва, 1927. Вып. 6.

Достоевский 1980 — *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Ленинград, 1980. Т. 21.

Петровский 1925 — *Петровский М.А.* Повесть // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. Москва; Ленинград, 1925. Т. 2. Стлб. 596–602.

Петровский 1925а — *Петровский М.А.* Анекдот // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. Москва; Ленинград, 1925. Т. 2. Стлб. 52–53.

Степанов 1929 — *Степанов Н.Л.* Повесть 30-х годов // Старинная повесть. Сборник повестей 1830-х гг. Ленинград, 1929. С. 5–42.

Томашевский 1928 — *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. Изд. 4-е. Москва; Ленинград, 1928 [1925] (Репринт: The Slavic Series. New York; London, 1967).

Туниманов 1980 — *Туниманов В.А.* Примечания [«Бобок», «Попрошайка»] // Ф.М.Достоевский Полное собрание сочинений: В 30 т. Ленинград, 1980. Т. 21. С. 402–411, 475–477.

Шкловский 1925 — *Шкловский В.Б.* Строение рассказа и романа // Шкловский В.Б. О теории прозы. Москва; Ленинград. С. 56–68.

Шмид 1998 — *Шмид В.* Проза как поэзия: Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998.

Эйхенбаум 1927 — *Эйхенбаум Б.* О'Генри и теория новеллы // Эйхенбаум Б. Литература: Теория. Критика. Полемика. Ленинград, 1927 (Репринт: *Russian Study Series* 66. Chicago, 1969. P. 166–209).